

**аржан
агаров**

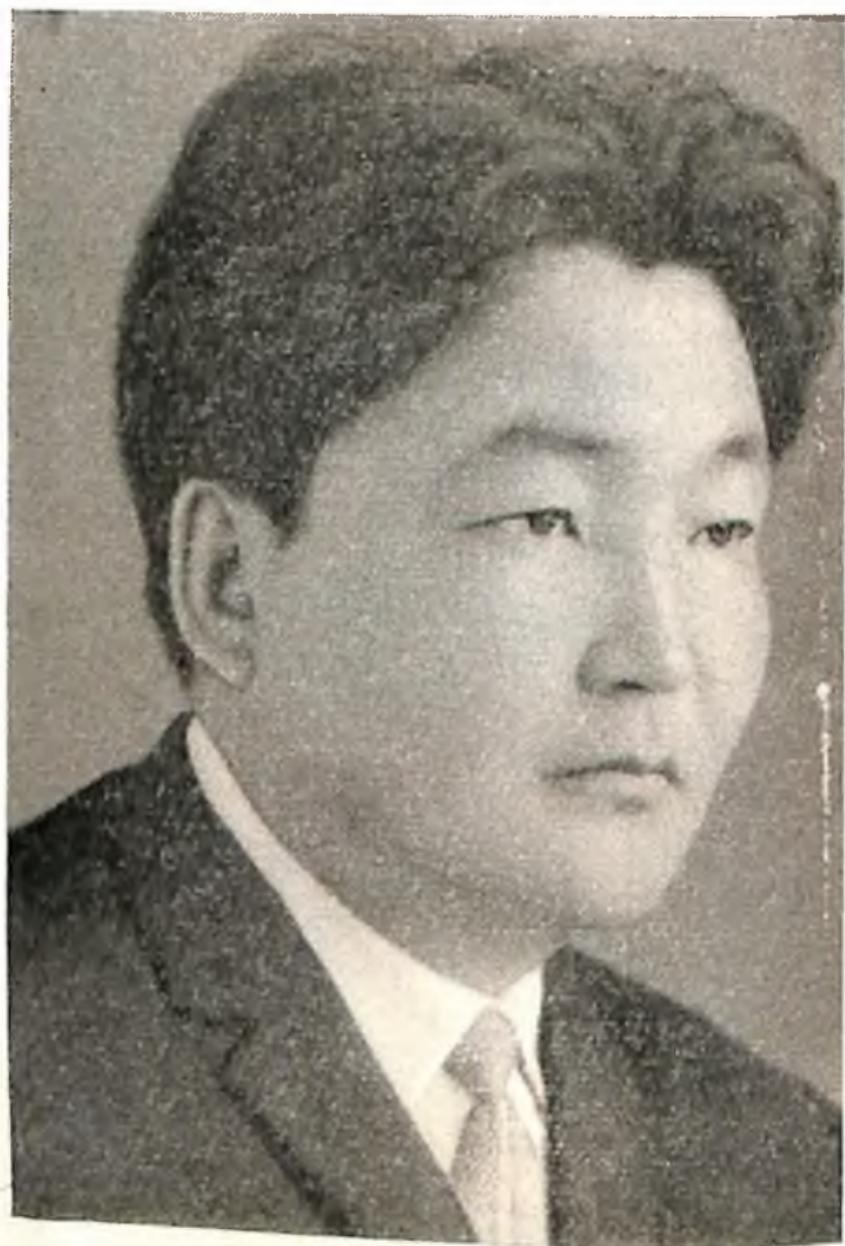

**КОЛДОВСКОЕ
ДЕРЕВО**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКАЯ
РОССИЯ
МОСКВА - 1971

С (447)
А 285

52456941

аржан агаров

КОЛДОВСКОЕ
ДЕРЕВО

Горно-Алтайская
областная
БИБЛИОТЕКА.

С (Сиб)

А28

Художник
Е. Р. Скакальский

Адаров А.

А28 Колдовское дерево. М., «Сов. Россия»,
1971.

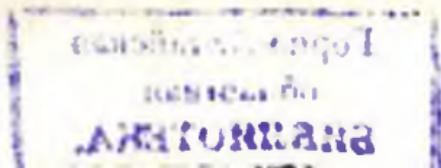
128с.

Тематический и жанровой диапазон поэта очень широк. Тут и романтически приподнятые стихи о героях гражданской войны на Алтае и преемственности боевых революционных традиций, и стихи, воспевающие неповторимую красоту родных мест, стихи, воскрешающие далекое прошлое родного народа, и стихи о любви. Немалое место занимает философская лирика. Живописная образность, взволнованность стиха — отличительные качества этой интересной книги.

С (Сиб)

7—4—3

268—71

* * *

Когда я говорю: «О мой Алтай!» —
Мне возвращает эхо: «Мой Алтай»,
Когда молчу, припав к твоим камням,—
Не небесам я кланяюсь,— горам.
Когда в глазах слеза блеснет, светла,
Тебя вдали я вижу, Улала...
О, как чисты озера там, вдали,
Когда их покидают журавли!
Как синь туман над Табатоем вдруг,
Когда уходят лебеди на юг!
И горы, молчаливы и ясны,
Глядят свои серебряные сны,
И кедры, кедры там, на склонах их,
И сладки слезы на глазах моих!
И лишь туман, как песня, голубой
Качается вдали передо мной.
И я у кедра старого молю:
Скажи мне, где дорога в Улалу?
...О, если б даже был изгнанник я
И все меня забыли бы друзья,
Далекий блеск вершин твоих, мой край,
Помог бы мне вернуться на Алтай!

И пусть дрожит в глазах моих слеза —
Она легка, как горная роса.
И пусть плывет туман передо мной,
Он точно крылья за моей спиной.
И запах можжевельника кругом —
Не дым ли он над отчим очагом?
Я знаю: здесь мой дом, я здесь рожден.
Я знаю: без меня пустует он.
И снова говорю я: «Мой Алтай».
И позторяет эхо: «Мой Алтай».
И я молчу, припав к твоим камням,
И кланяюсь горам, родным горам...

* * *

О светлая Муза, взгляни на меня, —
Кочевник, бродяга, прошу ль я коня?
Дай Боль, чтобы ядом снедала меня,
Дай Слово, чтоб жгло горячее огня,
Дай Песню, чтоб раны людские целить,
О Муза, пришел я не славы просить.
Пусть годы мне света не видеть в трудах,
Пусть свечкой, не солнцем затеплюсь в сердцах,
О светлая Муза, прошу об одном —
Чтоб сердце твоим озарилось огнем!

Я — АЛТАЕЦ

Я — долина,

все ветры хлестали меня,

Я — тайга,

все снега засыпали меня.

Я конец и начало земли,

Из груди моей песни взошли.

Я — алтаец, народ,

Я хозяин долин и хребтов,

В моем сердце рубцы

От несчитанных стрел и клинков.

Я похож на дорогу,

По которой столетья шагал.

Я — алтаец,

Где кости того, кто меня убивал?

Где богатства того,

Кто веками мой хлеб отбирал?

Я горбат,

Я сутул —

Сто веков на хватчика спину я гнул.

Камни в пыль перетер я ногами

На дороге, где счастье искал.

Дым костров кочевых

Мне столетья глаза выедал.

Я укрылся в горах —

Я ушел,

я погиб,

я исчез.

Я — алтаец.

Я — жив.

Я из мертвых

свободным

воскрес.

Я до капли из вен

выжму старую рабскую кровь.

Человек меж людей,

Жизнь свою начинаю я вновь,

Я — алтайский народ!

* * *

Я опять приезжаю в родные места,
Где в заоблачной выси синеют луга,
Где все горы в весеннем цвету, как в огне,
Где так тропки мягки,
Где так думы легки,
Где так бережно все вспоминается мне.
Вот я в горы опять ухожу при луне,
Подымаюсь до белых холодных вершин —
Здесь когда-то, мальчишка, гонял я овец,
Здесь я с детством далеким один на один.
Здесь я небо на плечи накину, как плащ —
Пусть сверкает на полах созвездий шитье.
Здесь я ворот — пошире, пусть дышится всласть!
Как мы редко встречаемся, детство мое!
Я к ручью наклоняюсь — как терпка вода,
Я руками в охапку ловлю облака,
Но, как стадо гривастых алтайских коней,
Пролетают они по дороге своей.
Кони, кони, я их вспоминаю не зря.
Ни уздечек, ни седел — как бегалось им!
Сколько весен тоскуют кукушки в лесу
По джигитам, по бравым парням молодым.

Им уже никогда не вернуться назад,
Никогда им коней не седлать поутру.
Только кедровые шумят, только кедровые шумят,
Как зеленые флаги на вешнем ветру...
Я иду молчаливо отцовской тропой.
Он ушел на войну, как и все, молодой.
Как бежал я, малыш черноглазый, за ним:
«Папа, папа, ты скоро вернешься домой?»
Я на небо гляжу, я гляжу на луга —
Что так кружится нынче моя голова?
То ли тучи плывут, то ли думы бегут,
То ли духом каким опьяняет трава.
Я иду по вершинам твоим, Монгулак,
Рассыпаются искры росы из-под ног.
Здесь отец мой раскладывал на ночь костер.
Над потухшим кострищем стою, одинок.
Так ли где-то и наши погаснут огни?
Что ответишь ты, время?
Что скажешь ты, век?
Я зачем-то срываю таежный цветок
И в раздумье иду по земле, человек.

ОСЕНЬ В ГОРАХ

И зачем я брожу
По туманным горам?
Мои думы ношу
К голубым облакам?

Или где-то на круче
Ищу, одиночек,
Возле кедров могучих
Волшебный цветок?

Он лишь в сказках да в снах...
Просто лист золотой
Осыпает в горах
Березняк молодой.

Просто белый туман
Лег в низине седой,
Журавлей караван
Потянулся домой.

С гор спустились стада
В край туманных долин.
Остаюсь я один,
Остаюсь я один.

А в ушах вековая
Звенит тишина,
Лишь речонка шальная
Щебечет одна,

Как лесная синица:
— Куда ты? Куда?
Будто в ней и таится
Живая вода...

Осень. Ясности время.
Даль тиха и светла.
Горы медные дремлют,
Будто колокола.

Ни снегов, ни тумана,
Лишь бронза осин.
Только дрогнет вдруг странно
Стеклянная синь.

Будто гуд разольется,
Прозрачен и чист,
И к плечу прикоснется
Сорвавшийся лист.

Словно дрогнула где-то,
Лишь сердцу слышна,
Уходящего лета
Тугая струна...

* * *

Голубая тишина
Ожидания полна.
Солнце красное садится,
Всходит белая луна.
Лишь влюбленному маралу
На вершине не до сна.
Да стоит над кручей витязь,
Молчалив и одинок.
Лук тугой с плеча не снимет,
Золотой не тронет рог.
Он стоит над Яйлагушем,
Очарованной рекой,
День и ночь готов он слушать
Этот голос дорогой.
День и ночь всегда струится,
День и ночь звенит вода.
Над рекою серебрится
Молчаливая звезда.
То мигает кедрам статным,
То откликнется горам.
Но язык ее невнятный
Непонятен часто нам.

455941

СОН

Было больно — ни разу не крикнул: «Отец!»
Было страшно — ни разу не пикнул: «Отец!»
Было трудно — ни разу не плакал: «Отец!»
Только знал,
Что есть слово такое — отец.
А кому б я сказал, малец,
Это слово?

Что такое случилось сегодня во мне?
Только ночью кричал я сегодня во сне:
— Папа! Папа!
Был разрушенный город, объятый огнем,
И не знал я, где я,
И не знал, где мой дом.
И уходит на запад последний отряд —
Лишь качанье штыков,
Лишь молчанье солдат.

Я узнал его сразу.
Я бросился в строй,
За шинель ухватился:
— Отец, ты живой?!

Но отец уходил, молчалив и высок,

Только тихо сказал:

— Опоздал ты, сынок.

— А когда вы вернетесь?

Куда вы сейчас?

— Опоздал ты. Никто не вернется из нас.

И пошел на закат

Молчаливый отряд,

И дрожала заря

На штыках у солдат,

И горели вдали города, города,

И я понял, что я

Опоздал

Навсегда...

— Папа, папа, постей! —

Я бежал вслед за ним.

Но шагали бойцы,

Точно тени, сквозь дым,

И никто не хотел обернуться назад,

И горел впереди молчаливый закат.

...Что случилось со мною?

Тоска ли моя

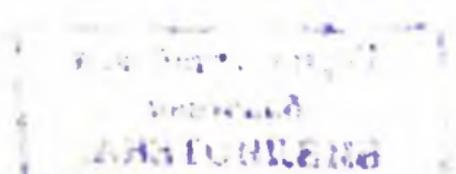
Унесла меня вдруг

В те года, в те края,

Что живут, словно тени, в потемках сердец,

Чтобы встретиться где-нибудь

Нам наконец.

1922

Я проснулся.

Как дорог мне сон мой ночной:

Хоть во сне, мой отец, бывал я с тобой.

Карандаш я сжимаю,

Смотрю на листок:

— Опоздал я, отец.

— Опоздал ты, сынск.

* * *

Михаилу Чайбунову

Мы с тобой пробирались по горным дорогам
Алтая
Не считая вершин, голубеющих в дымной дали,
И, в аил одинокий скрипучую дверь открывая,
Мы с хозяином добрым неспешные речи вели.
А с восходом луны, лошадей привязав до
рассвета,
В голубые луга уходили мы росной тропой,
И мерцала над нами вдали голубая планета,
И далекая песня плыла над ночною землей.
Нас хозяин аила уже поджидал у порога,
По обычаям старым сперва отдохнуть предлагал:
«Проходите, садитесь, неблизкая в горы дорога»,
И бутылку аркы¹ по стаканам тотчас разливал.
Так обычай велит, нерушимый застолья обычай —
Я вино поднимаю, старинный блюдя ритуал.
О мой добрый народ, ты своих не меняешь
привычек!
Столько раз я тебя от тебя вдалеке вспоминал.
Вот готов нам ночлег.

¹ Аркы — молочное вино.

Вот сверчок где-то скрипнул над ухом.
Над седым Яйлагушем луна засияла светло.
Где-то рывкнул марал, пробираясь к своим
маралухам,
Так что дрогнуло мелко в хозяйском окошке
стекло.

И мерещится мне: златорогие ходят маралы
По камням Суокту, где ничья не ступала нога,
И румяное солнце, лучом задевая о скалы,
Золотистыми искрами им осыпает рога.

* * *

Завернусь я однажды
По плечи в пургу
И умчусь привидением
В горы, в тайгу.
Как изгнанник,
Покину я город родной —
Пусть заносит поземка
Дорогу за мной.
Кто там хватится
Вечером вьюжным меня,
Будет ждать,
Не гася до рассвета огня?
Может, только черемуха
Вспомнит весной
Давний вечер,
Что в сердце унес я с собой.
Может, только
Глаза голубые озер —
Не иду ли? —
Глядят на дорогу с тех пор.
Но и этой дорогой
Промчится марал
И рогами луну —

Вниз, на выступы скал!
Чтобы пыль серебром
Поднялась над горой
И засыпала снегом
Тропинку за мной.

АЛТАЙСКИЕ БОГАТЫРИ

Каждый вечер,
Как только улягутся сумерки
И пойдет по горам
Караульной тропой луна,
Над вековыми курганами
Вдруг оживают тени —
Золотыми мерцая кольчугами,
Поднимаются богатыри.
Где-то фыркают кони гривастые,
Глухо позвякивают уздечки,
Слышится даже,
Будто тени поют вдалеке.
Может быть, это речка
Где-то бормочет спросонок?
Что-то сказать мне хочег
Так, чтобы понял я?
Кони,
Алтайские кони —
Синие гривы по ветру —
Красными вечерами¹

¹ В красные вечера, по поверью, на землю выходят души умерших. Пока не зайдет заря, никто не ложится спать, не разрешается громко говорить.

Над Алтаем моим летят!
Слышу я даже говор
(Я разбираю — говор!).
А может,
Тальник серебристый
Листвой шелестит в ночи?
А может быть, это просто
Вдруг: встрепенулась в сердце
Древняя-древняя песня
О старых алтайских витязях,
Скачущих по горам?
И вот уж летит ватага
Храброго Алып-Манаша¹
И где-то сквозь темень мчатся
Богатыри Козуйке!²
Сны мои,
Сны золотые —
Сказка, легенда, небыль.
Только во тьме курганов
Слышится мне ночами
Древняя песнь кайчи² —
Струны рокочат тихо,
Тускло блестят кольчуги,
Глухо стучат колчаны —
Едут богатыри!

¹ Алып-Манаш и Козуйке — герои алтайского эпоса.

² Кайчи — певец.

Едут ночным дозором,
В дали степные вглядываясь —
Не запылит ли где-то?
Кто там крадется ночью
К синим алтайским горам?
Едут и смотрят в горы —
Счастливы ль мы, алтайцы?
Вольно ли нам живется?
Тучные ли стада?
Едет в горах дозором
Богатырей дружина —
Синие гривы по ветру —
Кони летят в ночи.

* * *

С первым солнца лучом
На горе голубой
Я на камень сажусь,
Как на трон золотой.
Я зову духов гор,
Осиянный зарей,
Только духи не слышат
Мой голос людской.
Лишь на бслых вершинах
Сверкают снега,
Лишь звенит под ногами
Струна родника.
Да змеится, как лента,
Дорога в безмолвной дали,
По которой когда-то
В безвестие предки ушли.
Это Ээн-Учук,
Это Эль-Бабырган¹,
Там страна моих предков
Ютилась меж стран.

¹ Ээн-Учук и Эль-Бабырган — горы на границе с алтайскими степями.

Голубому
Священному волку молясь,
Где-то тюрки по ней
Проходили не раз.
Оставляя курганы
Из свежей земли,
Там алыпы¹ Алтая
Костями полегли.
О, как много могил
В этих древних горах!
Золотые мечи
При истлевших костях.
О, как много преданий
Хранит голова!
Только в век космонавтов
Смешны их слова.
Так зачем же я духов
Старинных зову?
Лучше слушать родник,
Лучше слушать листву.
Но и листья —
Прислушайся к шопоту их —
Говорят о героях,
О битвах былых,
Об Алтай-Ээзи² —

¹ Алып — витязь, военачальник.

² Алтай-Ээзи — дух, хозяин алтайских гор.

О хозяине гор,
Что берег для алтайцев
Алтайский простор.
На вершине Тугая
Стою я опять —
Мне хотя бы туманом
Мой край прикрывать...

ПО ДСРОГАМ ОТЦОВ

О время юности отцов,
Прими меня!
Нашел бы место я в строю,
Нашел коня.
Труби, труба, зови, труба, —
На зов лечу.
Клинок отцовский огневой
Мне по плечу.
— Ребята, шашки наголо!
Даешь Оймон¹.
Как вихри, гривы у коней —
Наш эскадрон.
Играют молнии клинков
Со всех сторси —
Воскресший Сухов² бить врага
Пришел в Оймон.
Суд революции суров,
Бойцы правы —
И Кайгородов-есаул³
Без головы.

¹ Оймон — местность в горах Алтая.

² Сухов — командир красногвардейского отряда, расстрелян белыми.

³ Кайгородов — командир белогвардейского отряда.

И вновь команда: «Эскадрон!..»
И дробь подков.
Еще под белыми Алтай —
Добьем врагов!
Эй, Яконур, Кырлык, Ело¹,
Заря близка!
Взвей знамя в небо и вперед
На беляка!
Лети, земля, искри, земля,
Из-под копыт,
Пусть красноезвездный правды свет
В сердцах сквозит!
И где-то в сумерках ночных
Алтайских гор
Мчит синегривый эскадрон
Во весь опор.
И снова знамя впереди,
И ветер бьет,
И, как кумач, в груди моей
Заря цветет!
...Виденья легендарных дней,
В который раз,
Как той зари горячий свет,
Я вижу вас:
Весь горизонт в горах моих
Огнем объят.

¹ Названия алтайских сел.

Клинки, как молнии, в руках —
Летит отряд.
Летит навстречу той заре,
Что над землей
Великий Ленин нам зажег
Там, над Невой.

МАЛЕНЬКИЙ ХУДОЖНИК

Мой мальчик, что он рисовал?
Ракета мчится выше крыш.
А сам художник спит. Устал.
Умаялся малыш.
В ручонке карандаш цветной,
А рядом автомат
И шлем с буденновской звездой —
Тревожен сон солдат.
Он и во сне все на коне —
Опять, видать, поход.
Хоть карандаш отдал бы мне —
Никак не отдает.
Сжимает, как стальной клинок
Под шквальное «Ура!»,
Совсем измучился сынок,
Какая там игра!
Огонь кругом, кругом враги,
Рубить герой устал.
Опять уходят беляки
За перекопский вал!..
Так что ж ты рисовал, малыш?
Что на листке твоём?
Ракета мчится выше крыш.

А это —космодром.
А это солнце. А вот тут
Планеты над землей...
Давно людей планеты ждут,
Расти скорей, герой.
Пусть снятся звезды, мальчик мой! —
Прекрасен этот сон.
Ты под счастливою звездой
Страны своей рожден.
Пускай рисунок твой пока
Неловок.
Не беда —
Она не так уж далека,
Далекая звезда.

КОНЬ

Ночь, луна,
Синий
Склон горы.
Под копытом иней
Скрипит до поры.
Ходит конь вокруг коновязи
В одну сторону,
Острыми ушами
Шевеля луну.
Будто катит, круглую,
Досветла,
Косит глазом черным —
Чтоб скорей шла.
Чтобы там, в аиле,
Ночь прочь,
Чтоб настало утро
Точь-в-точь.
...Век коней да конниц,
Говорят, истек.
Говорят,
Ракетам
Наступил срок.

Но коням, что им
Молнии орбит?
Конь мотнет гривой —
Сам летит!
Лишь закусит крепче
Удила —
С тетивы звонкой
Мчит стрела!
...Говорят, крылаты
Мы с тобой:
В стратосферу рвется
Суперзвуковой.
Это верно — скорость,
Век такой.
Только к гриве шелковой
Мне б щекой.
Чтоб губой мягкой
Ткнул в ладонь,
Чтоб из-под копыта
Бил огонь,
Чтоб в пути долгом
Через перевал
Мне кивал мордой —
Отвечал...
Кони мои кони,
Век ракет.
А в глазах тает
Теплый свет...

КОЛДОВСКОЕ ДЕРЕВО

Слышал я: в таежной дальней чаще,
Где безбрежный сумрак распростерт, —
В той глуши, таинственно молчащей,
Колдовское дерево растет.

Кто с него хоть веточку срубает —
Власть берет над жизнью и судьбой:
Пожелай — красавица любая
Вслед пойдет покорно за тобой.

Только знай, за счастьем в путь пустившись:
С каждой веткой, рухнувшей на снег,
Умирает, за сердце схватившись,
Где-то в мире добрый человек.

Я живу, не ведая покоя,
Долго, трудно, трепетно люблю,
Но как встречу дерево такое —
Ни сучка, ни ветки не срублю.

Чем любви такой ценой добиться,
Счастье взять с проклятьем пополам,
Лучше в бурю стать бездомной птицей,
Диким зверем рыскать по горам.

Буду — пусть! — страдать еще сильнее,
От тоски, как пес, околевать,
И умру — или тебя сумею
Сам, без колдовства, околдовать!

ДУМЫ

Вот опять я молчу, одинок и устал,
Будто горы держал, будто скалы таскал.
И морщины на лбу — словно складки тех гор.
Не ревнуй меня, милая, грустен твой взор.
Что такое со мной, не спрашивай ты.
Стали плечи мои, как Алтая хребты:
Шевельнись, и обрушатся камни со скал,
И засыплет долины внезапный обвал.
А глаза — как озера: мне страшно моргать,
Чтобы воды их светлые не расплескать.
Что такое со мной? Словно в землю я врос,
Головою коснулся мерцающих звезд,
А в груди — так рокочат вулканы в ночи —
Глубоко-глубоко где-то сердце стучит.
О Алтай мой, Алтай, мне б увидеть разок
В млечных далях тропинки твоей волосок!
Все смотрю, все ищу — где ты там? как ты там?
Только больно глазам, непосильно глазам.
Точно в кряжистых кедрах таинственный ток,
В моих мускулах вешний колотится сок,
Только, легкий мой стих, что ж недолог твой
срок?
Быстровянувший, видно, возрастил я цветок.
Если б жизнь своей кровью мой стих налила,

Как гора, его строчка была б тяжела.
Я кажусь себе кедром алтайским порой,
Что корнями могучими сросся с горой,
Гнет тяжелую ветвь созревающий плод,
И блестит на вершине нетающий лед...
И опять я молчу, одинокий и устал,
Будто горы держал, будто скалы держал.
Не кори меня, милая, грусть затая, —
Нелегка эта долгая дума моя.
Точно горы, безмолвно лежат на плечах
Те слова, что еще не сказал я в стихах
О тебе, мой Алтай, о тебе, мой народ,
Удержу ли его, созревающий плод?
Или вдруг надломлюсь и песками времен
Буду, всеми забытый, навек погребен?
И стихам, что под сердцем ношу я давно,
Им под **пеплом молчанья** молчать суждено?

Я — МАЙЯ

Что ж мне снятся пожары былые
В красном мареве дальней зари —
Пирамиды в дыму золотые,
Вековые в огне алтари?
Нет давно уж ни инков, ни майя,
Нет космических их городов —
Кто ж мне шепчет, что я понимаю
Позабытые знаки их слов?
Вы ушли, вы погибли, вы пали,
Жег вас порох, свинец вас косил.
Чужеземцы, они хохотали
У языческих ваших могил.
Сожжены и развеяны прахом
Золотые легенды веков.
Как кощунственно ржали монахи
Над бессилием ваших богов!
Где он умер, последний из майя —
Жрец, провидец движенья светил?
На каком он костре, умирая,
Тайну предков с собой уносил?
На века, навсегда, в бесконечность.
От врагов, от друзей, от людей.

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Вот лебеди мои, свершив прощальный круг,
Торопятся домой, торопятся на юг.
И долго-долго вдаль, на улетающих птиц
Глядят глаза озер сквозь тростники ресниц.
И сердце сжалось вдруг, как будто вдруг оно,
Как озеро в горах, оставлено одно.
И стало на душе как в мрачный день в лесу,
Когда сбивает дождь прозрачную росу.
Но как лебяжий пух, наверно, мне назло
Кружится белый снег, и все вокруг светло.
И горы высоки, и бел их крыльев лед,
Да только нелегко подняться им в полет,
Бела моя тропа, и даль вокруг ясна,
Но милая весна, вернется ли она?
И все же я иду, не устаю идти,
Как будто кто-то ждет меня в конце пути.
Чтоб грусть мою делить, чтоб птиц моих вернуть,
Но... снег у ног моих ложится отдохнуть.
Лишь долго-долго вдаль глядят глаза озер:
Вдруг лебеди мои вернутся из-за гор...

Так что же дано мне сказать
О времени нашем с тобой,
Какие оставлю слова,
Свой путь завершая земной?
Такую ли песню найду,
Чтоб в рост в ней эпоха была?
Умолкнут ли вместе со мной
Стихов моих колокола?
Ты слышало, сердце мое,
Столетние думы тайги.
Ты видишь, как ветер шальной
Целует весной лепестки.
Ты помнишь, как тихи слова
Боящейся слова любви.
Ты знаешь, как вешне гудит
Предчувствие счастья в крови.
Ты сердце, не смеешь молчать,
Ты, сердце, не смеешь молчать,
Я в поисках песен живу,
Я песню ищу для людей.
Мне слышится где-то вдали,
Почти полземли одолев,

Сквозь снежные вихри в горах
Заенит «Варшавянки» напев.
Я слышу кронштадтцев шаги,
Их марша железного шквал —
«Каховка» над миром летит,
Гремит «Интернационал».
Мне кажется, Ленин идет
По горной моей стороне,
И судьбы алтайской земли
Яснее становятся мне.
И отсвет октябрьских знамен
Строку обагрят огнем,
И тысяч сердец голоса
Сливаются в сердце моем.
И сердце, как солнце, во мне:
Вот-вот разорвет мою грудь.
И новая песня моя
Созрела и просится в путь!

БЕССМЕРТИЕ

Вам объяснит любой старик,
Что трехэтажен этот мир:
Вверху — Улгень¹, внизу — Эрлик²,
А между ними — мы.

Жизнь быстротечна. Под землей
Эрлик нам всем назначил час.
А в небеса Улгень седой
Не пустит, смертных, нас.

Мы знаем, смерть — небытие.
Что нам с тобой седой Эрлик?
Да как-то жаль житье-бытье,
Когда к нему привык.

Пути к бессмертью — где они?
Равны пред смертью мы с тобой.
А над Алтаем — что за дни! —
Сине над головой!

¹ У л г е н ь — верховное божество, создатель всего живого.

² Э р л и к — владыка подземного царства, дух зла и мрака.

О мудрецы, не эта ль связь
Земли с бездонной синевою
Вдруг заставляет думать нас
О жизни неземной!

Что духи нам!
Что тени нам!
Что нам с тобой и рай, и ад!
Ты землю сердцем выбирай,
Где ты родился, брат.

Она — одна. И жизнь — одна.
Как ты прожить сумеешь в ней?
А вечность людям суждена
В признании людей.

Была б жива твоя земля —
Леса в туманах голубых,
Вот эти люди, их поля,
А вечность — в нас самих.

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Средиземное море.
Где же он, Птоломеев маяк?
Над оранжевой гладью
Светила оранжевый глаз,
Да дельфинов игра,
Да на белом борту
Разноликий народ
Смотрит солнца восход.
«Чужеземец, должно», —
Кто-то вслед говсрит за спиной.
Это странно —
Вдруг с речью столкнуться родной!
Оглянулся —
Две женщины рядом видны.
Сириянки они?
Или, может, турчанки они?
Не алтайские лица,
Вполне европейский наряд,
Но почти по-алтайски
Они меж собой гоэорят.
Я стою, я молчу, я от них отходить
не хочу.
Вот уж солнце вдали,
Точно бубен, кругло.

Вот уж волны, как в бубен,
Стучат тяжело,
И в глазах золотые иголки искрят.
Нет, не в бубен стучат,
Это в сердце стучат!
До меня долетают родные слова!
...Я их слушаю, женщин,
Я слышу едва.
Об одном их молю: «Не молчать!
Не молчать!»
Я как тень,
Я молчу.
Чтобы им не мешать...

БУДЬ СВОБОДНА, ГРЕЦИЯ!

Синеве твоих вечных морей,
Красоте твоих горных цепей,
Волшебству виноградных корней,
Доброте твоих мудрых людей —
Шлю поклон тебе, Греция!

Как паломник, турист, пилигрим
Был и я здесь, под небом твоим,
Умывался эгейской волной,
Алтын-Кель¹ в ней узнав голубой, —
Буду помнить их, Греция!

Древний Акрополь, мрамор руин —
Звездной ночью я был там один.
Мне казалось, я слышал богов
С высоты твоих древних холмов.
Узнаю тебя, Греция!

На земле богатырской моей
Есть свои и Геракл, и Антей,

¹ Алтын-Кель — озеро на Алтае.

Но копыта алтайских коней
По земле не ступали твоей,
Это знаю я, Греция!

Над тобою сегодня беда,
Носят траур твои города:
Вновь свободу твою пауки
Взяли в сети, тебе вопреки, —
Это больно мне, Греция!

Знаю я, не от слов, не от слов
Рухнет тюрем железный засов,
Но печаль моя, пусть хоть она
У тюремного встанет окна, —
Будь свободна, о Греция!

БАЙАННОР

Байаннор — это синие чаши озер
На ладонях оранжевых гор.

Байаннор — скакунов быстроногих полет
И широкий, как степь, разговор.

Байаннор — это лунные лики долин,
Красных скал немота.

Байаннор — это храбрые девушки гор,
Амазонкам чета.

Байаннор — это эхо далеких вершин,
Это песня земли,
На верблюжьей тропе

колокольчиков звон,

Прозвучавший вдали.

Это запад монгольский —

Ойрат и Тербен,

Это Монголистан.

Колыбель кочевых легендарных

племен —

Улегей и Байан.

Это вечных верблюдоз медлительный

шаг,

Как столетья назад.

Это вслед торопливым колоннам машин

Их презрительный взгляд.

* * *

Вот я белой бумаги достал из стола,
Вот позвал тишину, чтобы рядом была.
Что я людям скажу?
Что я в сердце ношу?
Что сегодня на этом листке напишу?
Или облако я над Алтаем моим —
Проплыву, и растает серебряный дым?
И никто из людей не посмотрит мне
вслед —

Не коснусь я их дум,
Не коснусь я их бед...
У алтайцев душа высока и чиста,
Как огонь Когутеи¹,
Как пламя костра.
О Алтай мой, Алтай,
Не хочу тишины!
Я хочу, чтобы люди мне были слышны,
Чтоб их песни, улыбки, их слезы, их гнев
Клокотали, строку добела разогрев.
И столпились Алтайские горы кругом,
И зажглась Когутея прозрачным огнем,

¹ К о г у т е я — Малая Медведица.

И на лунной волне зазвучали в тиши
Звуки песен алтайских:

— Ты звал нас?

Пиши!

И на белом листке, точно грань серебра,
Как сквозь белый туман, проступила гора,
И, как призрак, как тень в голубой тишине,
Черноокая Муза слетела ко мне.

МРАМОРНЫЕ ГОРЫ

Как раскат громовой
Сотрясает недвижимые горы!
Будто в недрах
От хохота
Древний трясется базальт,
Будто скалы звенят,
Как стекляшки апрельских сосулек.
Кто сказал мне, что камни молчат?
Лишь прислушайся —
Вот
Дрожь летящей струи водопада,
Свист болида
В пустынной космической мгле.
Под прохладными кедрами
На груди голубого Алтая
Чуткий мрамор поет,
Как струна на звенящем колке.
Я не раз их видал,
Благородные линии статуй,
Тихий ответ улыбок
На лицах античных скульптур,
Но ни разу не слышал,
Чтоб пел их отзывчивый мрамор,

Он всегда молчалив:
Он на родине только поет.
Надо камню, чтоб ветер
Со свистом метался в ущелье,
Там, где сердце стучится
В груди белокаменных гор.
Впрочем, что я о камне?
И ты безголос на чужбине,
Человек —
Там никто не поймет твоих слов.

* * *

Как приеду я снова домой,
К снежным кручам прижмусь я щекой,
Зацветет голубой-голубой
Небосвод, как чалма, надо мной.
А в зеленой долине на дне
Где-то речка звенит в тишине,
И струя ее там, в глубине,
Моет ноги усталые мне.
Как приеду я снова домой,
Выйду к солнцу рассветной порой —
Пусть рассыплет сно надо мной
Стрел горячих колчан золотой.
Пусть, качаясь, плывет сквозь туман
Дальних гор вексвой караван,
Пусть зайдет в груди у меня
Колокольчик, от песен звеня.
Как приеду я снова домой,
Выйдет в небо луна надо мной,
Заискрится в дали голубой
Звезд вечерних серебряный рой.
Этих белых ночей белизна —
Будто жизнь моя песня одна,

Будто к кедру от кедра струна,
На вегру протянулась она.
Как приеду я снсва домой —
Сразу в горы дорогой прямой.
Поклонюсь каждой тропке лесной —
Я с тобой, я с тобой, я с тобой!
В каждый дом постучусь: я живой!
Ты мне счастья желал — я с тобой.

ТОЙ¹

Снова парни седлают коней —
Стремена говорят над рекой.
Шапки с шелковой кистью надев,
Нарядились девчата на той.

Что за звонкая в речке вода, —
Даже горы примолкли вдали.
Будто девушки где-то поют
За далекою гранью земли.

Только где-то смеются они,
Белозубые девушки гор,
И дробится, как эхо, вокруг
Их веселый ночной разговор.

О Алтай ты мой, древний Алтай,
Быстроноги твои скакуны —
Будто крылья у них за спиной,
Будто гривы их ветра полны.

Едут сестры сегодня на той
По дороге своих матерей.

¹ Т о й — праздник.

Те же песни поются в горах,
Только стали они — веселей.
Только стали слышнее они,
Будто горы им вторят вокруг,
Будто новое эхо вдали
Подхватило на крылья их вдруг.

НЭЛЛИ

О Нэлли, о Нэлли,
Алтайский цветок,
Кто имя английское
Дать тебе мог?

В догадках своих
Я, признаться, не тверд:
Ужель твси крестные —
Леди и лорд?

О Нэлли, о Нэлли,
Какая ты мисс?
За имя свое
Ты не им поклонись.

Не леди в ладони
Тебя приняла,
А бабка,
Что рядом в аиле жила.

О Нэлли, о Нэлли,
Алтайский цветок,
В алтайскую краю
Родилась ты в свой срок.

Без титулов графских
Жила ты в селе,
Счастливой хозяйкой
На доброй земле.

Такие девчонки
В шотландских краях
Живали когда-то
У Бернса в стихах.

О Нэлли, о Нэлли,
На горном лугу
Тебя ли я встретил
С отарой в снегу?

«О, здравствуйте, леди!
Сказал я тотчас. —
Здоровы ли овцы
В отаре у вас?»

«Ой, что он болтает? —
Ты прыснула вдруг. —
Какая здесь леди?
Здесь горы вокруг.

Вы в Англию, верно?
Вы сбились с пути?
Желаю вам в Англии
Леди найти».

О Нэлли, о Нелли,
Алтайский цветок,
Не знаю, кто имя
Придумать вам мог.

Но есть на Алтае
Девчонка одна.
Пусть песенку эту
Услышит она.

КАИЧИ

Деревянный домишко совсем замело.
Лишь дымок над трубой — видно, в доме тепло,
Лишь окошко желто — видно, лампа темна,
Да на стеклах узоры — зима холодна.

Но хозяин не видит узор на стекле.
Кожу мять — это верно — удобней в тепле.
Дров подкинет и снова сидит у огня,
Слепоту свою словом недобрым кляня,

Жил скорняк в этом доме — бобыль бобылем.
Только старый топшур¹ и остался при нем.
Были б руки — овчина найдется всегда,
Без топшура остаться — вот это беда.

Не сыграешь — кто в гости заглянет к вдовцу,
А на песню соседи заходят к слепцу.
— Мы с работы. Ты спел бы нам песню, старик.
— Что ж, садитесь, — скучать Улагаш² не привык.

¹ Топшур — струнный музыкальный инструмент.

² Улагаш — Н. И. Улагашев, выдающийся поэт и сказитель.

Где кайчи, там и песня. Где песня — друзья.
Ну-ка, дайте топшур, псиграю вам я.
Пока жив Улагаш, будут песни звенеть.
Ну, так что бы такое для сердца вам спеть?

И уже веселится огонь в очаге,
И топшур деревянный послушен руке,
И забытую песню рокошет струна,
И, как давняя сказка, встает старина,

Древних витязей слава и подвиги их,
И любовь, и отвага героев былых,
И на лицах усталых, как отблеск огня,
Зажигается радость грядущего дня.

ЗМЕИНАЯ РЕЧКА

То ли просто извилисто русло ручья,
Будто тропку ему проложила змея,
То ли камушков донных узор золотой,
Как змеиная кожа, блестит под водой,
Только как ни взглядишься в мерцанье ручья —
Где-то нежится, вьется, танцует змея!
...Он давно уже в трубы, ручей, заключен —
В белых ваннах дымится целебный радон,
И курортницы едут сюда чередой
Кто с недугом каким, кто с тоской, кто с бедой.
Этой речки таинственной теплый исток —
Сколько лет он в веках, как предание, тек,
То в туман одеваясь холодной зимой,
То на солнце змеиной блестя чешуей?
Говорят, что когда-то в былые года
Дочка хана пришла искупаться сюда,
И, коснувшись ногой обнаженной дна,
В золотую змею превратилась она.
С той поры лишь по зову полночной звезды
Поднимается ханская дочь из воды
И, змеиную кожу смывая волной,
Одиноко выходит на берег ночной.
И далекие горы сияют вокруг,
И красотою неземной ослепленные вдруг.

И до самого света, тиха и грустна,
Песня дочери ханской над речкой слышна...

Я не знаю, какие скитальцы земли
Весть об этом волшебном ручье разнесли,
Говоря, будто в нем молсдая вода,
Уверяя, что он продлевает года,
Но однажды стареющий хунский каган¹
На Змеиную речку послал караван —
Шесть десятков верблюдов и множество слуг —
Пусть возьмут той воды и проверят тот слух.
Долго ждал возвращенья их старый каган,
Но назад не вернулся его караван.
Лишь вернулся гонец из далекой земли
И сказал: след верблюдов пески замели.
И великий каган на ступенях дворца
Приказал палачу обезглавить гонца...

Я не знаю, остался ли где-то курган,
Под которым покоится хунский каган,
Но давно уже в трубы ручей заключен,
В белых ваннах дымится целебный радон,
И недобрую славу Змеиной реки
Засыпают, наверное, где-то пески,
И смеются курортницы в звездную ночь:
Не споет ли им песенку ханская дочь?

¹ К а г а н — император.

ВЕЧЕР

Снег ли белый, будто свет, будто свет,
Свет ли белый, будто снег, будто снег!
То ли пляшет впереди
Каждый дом,
То ли просто в голове
Все кругом?
А в груди колоколов перезвон:
— Я люблю!

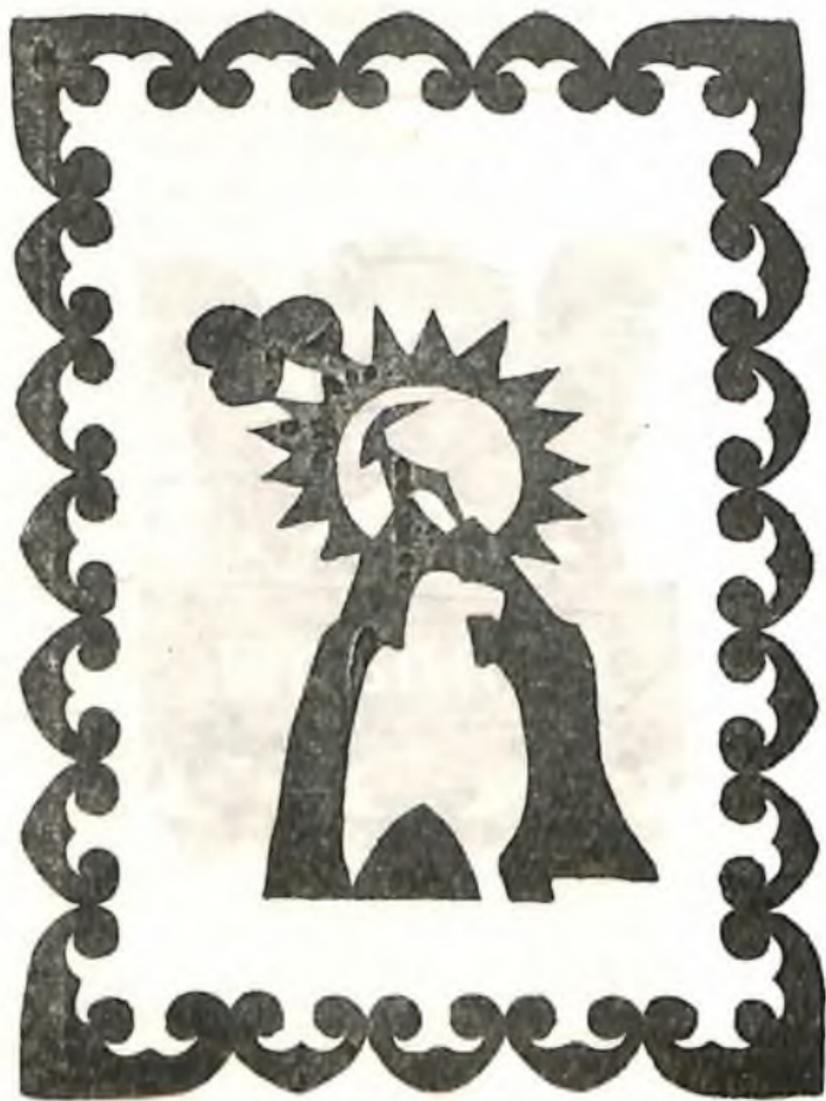
— Я любим!

— Я влюблен!

Пусть кругом кипит людей толчея,
Мы одни с тобой идем —
Ты да я.
Будто лес вокруг нас
В этот час,
Ни ушей вокруг нас
И ни глаз,
Ни проулков, ни темных дворов,
Ни усмешек кривых, ни слушков,
Лишь в глаза нам проспектов огни —
Мы одни,
мы одни,
мы одни!

Ты скажи мне, как тебя я нашел
В этом городе большом-пребольшом?
Как хотелось улететь мне с тобой
В наши горы,
На Алтай голубой,
Где так неба синева
Высока,
Где в озерах,
Как снега,
Облака!
Только видел я в тот вечер одни
Полыхающие улиц огни,
Да искрящиеся звезды в глазах,
Да улыбку на горячих губах,
Будто шепчут мне они, не тая:
— Ну, гляди же, ну, гляди — это я!

БОРОУУЛ

Баллада

I

— Эге-гэй, Бороуул! —
Эхо мечется по скалам,
По теснинам, по увалам
Перекатывает гул.

Всполошились улари,
Будто стоном стонут птицы —
Что им в гнездах не сидится,
Не молчитя до зари?

Отзовись, Бороуул!
Уж не ты ль, убив архара,
Над гнездовьем птичьим старым
Где-то песню затянул?

Или там, у синих скал,
Ты с бедою повстречался?
Или ты домой собрался,
По жене затосксовал?

«Спи, мой мальчик, — мать поет,
Убаюкивая сына. —

Тени падают в долину,
Твой отец домой идет.

Точно барс, Бороуул,
Нет в горах стрелка смелее.
Видишь, солнышко алеет,
Ветер утренний подул.

Есть в горах закон такой:
Если в доме сын родится,
Без архара не годится
Приходить отцу домой.

Каменист Архыт крутой,
Тяжела в горах дорога.
Там архаров жирных много.
Сварим мяса мы с тобой.

Что поделать, подождем.
Вот придет отец с добычей —
Уж такой у нас обычай,
На земле, где мы живем».

II

— Эге-гей, Бороуул! —
Эхо носится по кручам,
Но молчит Архыт могучий,
На груди туман уснул...

Шел, как тень, Бороуул
По следам архарьим к скалам,
Пригрозил в пути маралам,
Стадо коз с ручья спугнул.

Ах, архар, под облака
Ты заставил подниматься!
Уж не с тучей ли бодаться,
Вскинул круглые рога!

На отвесной крутизне
Небо ниже, небо выше —
Встал архар, как будто вышел
С белой тучкой на спине!

Ах, архар, пришел конец:
Точен глаз Бсроуула —
Только небо громыхнуло
О рога твои, гордец!

Зверь подпрыгнул и упал.
Только что такое стало? —
Будто сдвинув разом скалы,
С гор обвал загрохотал.

— Эге-гей, что там в горах? —
Но заглох в тумане голос,
Будто небо расколосось
У охотника в глазах.

Будто брызнула звезда,
Сразу ночь кругом настала.

Для живых в горах светало
В это утро, как всегда...

III

Под заоблачной скалой,
Под высоким небом синим
По обычаям старинным
Под курганом спит герой.

«Как он шел сюда один?» —
Смотрят люди на могилу. —
Смелость парня погубила,
Не дожил и до седин...

Лишь орел сидит седой
Над скалой Бороуула —
Векового караула
Молчаливой часовой.

Да нахохлился Архыт —
То ли дремлет в синей туче,
То ли ветра вздох на круче
Слышит старец и молчит.

Но стоит внизу аил
И растет в нем сын героя.

Он тропой отца крутою
Столько раз во сне ходил!

Жизнь не кончится. Она
В сыновьях возьмет начало,
Лишь бы солнце освещало
Даль мальчишеского сна!

— Эге-гей, Бороуул!
Где ты? — «Здесь!» — ответят горы,
Будто ставший на просторе
Богатырский караул.

И вспорхнет, и загудит
Перекатистое эхо,
Будто старые доспехи
Отряхнет седой Архыт.

БРОНЗОВОЕ ЗЕРКАЛО

Это зеркало танское, Базырыкский курган...
Как попало оно на Алтай, в Улаган?
Кто его смастерил? Кто своей красотой
Любоваться хотел и за смертной чертой?

Молчаливая бронза далекой страны.
Только шелест травы, только звон тишины...

По Гобийской пустыне, качаясь в пыли,
Шел большой караван из далекой земли.
Над могучей двугорбой верблюжьей спиной
Цвел на красном песке балдахин голубой,
И под ним, от палящих скрываясь лучей,
Горевала принцесса с служанкой своей.
Далеко-далеко за Великой стеной
Оставляла принцесса дворец золотой,
Где отец-повелитель, труслив и жесток,
Стать женой чужеземца принцессу обрек,
Чтоб кочевников диких смирить племена,
Будет хана ласкать мслодая жена...

Драгоценного зеркала гладкий металл,
Сколько раз он девичью слезу отражал!

Сколько раз ей казалось жемчужной петлей
Ожерелье на шее ее молодой,
И блестела порой дорогая парча,
Как отточенный остро клинок палача.
Для чего ей небесного цвета шелка
В пропыленной кибитке того степняка?
Будто лотоса южного нежный побег,
Там замерзнет она и погибнет навек.
Там, в зеленых сздах полуночной страны,
Расцветают лишь дочери старшей жены.
Там интриги и зависть, там месть и хула.
И зачем она в танском дворце расцвела!

Но служанка у ног госпожи молодой
Утешала красавицу речью иной:
«Я слышала, владыка племен Кун-Тенгри —
Витязь смелый и ликом яснее зари.
Был извечным врагом он для танских царей,
Будет верным щитом он отчизне твоей.
И властители всех согдянских племен
Не к тебе ли с дарами придут на поклон?
Иероглифом красным в столице отца
Твое имя в людские запишут сердца,
И не Лунным Цветком, а Полярной Звездой
Будут звать тебя люди за подвиг такой».

Но молчала принцесса, тиха и грустна:
Кто там вспомнит ее? Позабыта она.

От бархана к бархану и вновь на бархан
По Гобийской пустыне идет караван.
Только солнце палит от зари до зари,
И не видно священной Алтайской горы.
То ли холм там краснеет над красным песком,
То ли облако тлеет на небе пустом?
Только где-то над жаркою гранью земли
Одинокая тень голубеет вдали.
Только чудится где-то бассейн голубой —
Дно из яшмы зеленой, фонтан над водой,
Золотистые рыбки лениво плывут...
Но качается мерно усталый верблюд,
И шатается в седлах охраны отряд —
Где-то кони храпят, где-то латы стучат,
И кайчи-чужеземец весь день напролет
Непонятную песню устало поет.
Только цокают в лад наконечники пик,
Будто такт отбивает охрипший старик...

Вот и вечер. К подножью оранжевых гор
Белоснежный принцессе поставлен шатер,
И посол императора, льстец и хитрец,
Достаёт, улыбаясь, с дарами ларец.
Дипломат и вельможа, в чехле борода,
Много золота старый припрятал туда —
Знает, видно, чиновник — подарки в цене
В той далекой кочевничьей, дикой стране.

А вокруг дорогого принцессы шатра
Стелет ветер дымы от костра до костра,
Кони ржут, и темнеют верблюды в ночи,
И поет свои древние песни кайчи,
Караулы стоят на окрестных холмах,
Безучастные звезды блестя в небесах.
И кольчуги звенят, и дымятся котлы,
И в кромешной ночи только лица светлы.
А в шатре у принцессы лишь свечи трещат,
И невесел принцессы задумчивый взгляд,
И сверкают алмазы при свете свечей
Над застывшими крыльями тонких бровей.

* * *

Базырыкских курганов невнятная речь,
Как постичь мне тебя, как потомкам сберечь?
Будто желтый пергамент минувших веков
Закрывает значки неразборчивых слов:
«Два народа живут в полуночной земле.
Называют их люди Тю-ку и Теле¹.
Ходят в грубых овчинах, кочуют в степях,
Но бесстрашны они и искусны в боях.
В год Змеи, точно смерч, налетала орда
И сравнила с землей на земле города...»
Только слышится мне, как далекий набат,—
Где-то бубны стучат, где-то люди кричат,
И плывут с колесницей своей золотой
Белоснежные кони над синей травой.
И долина черна от людей и коней,
И охрипшие всадники мчатся по ней,
И принцесса, в собольи зарывшись меха,
Смотрит в красные лица, от страха тиха.
И огнистою медью сверкают котлы,
И дымят, как предвестие пира, костры,
И пред белым двенадцатикрылым шатром
Громко в бубны колస్తят жрецы над огнем.

¹ Предки тюркских племен.

Вот стоит колесница, команды звучат,
Вот простерт коридор меж рядами солдат,
Вот принцессу к шатру сквозь застывший их
строй

Осторожно ведут по дороге прямой,
И немые служанки несут перед ней
Легкий шелковый занавес, неба синей.
Вот опущена ткань, и стоит впереди
Сам владыка. И солнце блестит на груди!

Но туманится зеркала бронза в руке,
И уже не понять мне, что там, вдалеке...

* * *

На Алтае завьюженном, долгие, точно века,
За дворцовыми окнами пухлые дремлют
снега.

То закат заалеет, то бледный синеет
рассвет —

Молчаливой принцессе немилого неба привет.
Топчут земли чужие копыта коней

Кун-Тенгри,
И горит за горами далекое пламя зари...

А в гобийских песках из далекой страны
Караваны спешат, не дождавшись весны.
И фарфор, и ковры, и шелка всех цветов —
Все купец расторопный доставить готов.

И улыбка не сходит с лица у купца,
Только знает принцесса коварство отца,
Только видит принцесса — не шелк, не вино,
Не купцов, а лазутчиков шлют к ней давно,
Чтобы сеять вражду, разделять племена,
Чтобы трон Кун-Тенгри подкосила война.

Но смеется принцессе в лицо Кун-Тенгри
И, целуя клинок, говорит: «Посмотри!
Нет на свете царей, чтоб тягаться со мной —
Пусть дрожат тагбачи¹ за Великой стеной!»

Но опять беспокойная шепчет жена,
Что рука у отца жестока и длинна,
Что стрела ядовита, что тайный клинок
Может в сердце ударить в назначенный срок.
Но владыка на троне не слушает жен.
От походов устав, наслаждается он —
Пьет вино и, сойдя на ковер дорогой,
Рыжих пленниц хмельною ласкает рукой.
А как стоят снега, вновь в седло и в поход
Он тюмени² свои на соседей ведет.
То из Гоби-Алтая несутся гонцы,
То он где-то согдийские рушит дворцы,
То принцессе из гиперборейской страны
Золотого барана везут скакуны.

¹ Тагбачи — китайцы (*древнетюркск.*).

² Тюмен — десять тысяч воинов.

И в завьюженной юрте певучей строкой
Славит храбрость владыки сказитель седой.

* * *

Вот и снова приходит зима в Улаган,
Белый снег засыпает разрытый курган,
И бледнеют, и меркнут, и гаснут вдаль
Золотые видения древней земли.

Отгорели костры, отзвенели клинки
И снялись, точно птицы тихи и легки,
И исчезли за тлеющей кромкой зари,
Растворились в веках племени Кун-Тенгри.
А в горах Улагана бушует пурга,
И на белых вершинах дымятся снега.
Только лунною ночью, как будто сквозь сон,
Вдруг послышится где-то таинственный звон,
Будто кони волшебные манят меня,
Золотыми уздечками тихо звеня,
И атласные гривы взметнув на бегу,
Исчезают, как тени, на синем снегу.
Лишь далекое ржанье сквозь ветер звенит:
— Ты поймай нас, телес, ты верни нас,
иркит!¹

И хохочет в горах, далека-далека,
Над седым Улаганом ночная пурга.

¹ Телесы и иркиты — древнейшие племена Алтая.

ДВЕРИ

Поэма

1

Вот и снова я вижу знакомую дверь,
Вот я голову молча склоняю на миг —
В эту низкую дверь, в этот старенький дом
С детских лет заходить я без стука привык.

Ну, так здравствуй, родная старушка моя!
Вот опять я вернулся в родные края,
Вот опять я за медную ручку берусь,
Будто за руку с другом здороваюсь я.

Я полмира прѣехал, полсвета прошел,
Но в родное село не вернуться не мог:
Позабыть ли мне где-то? — младенец совсем,
Сколько раз через этот я ползал порог!

Вот стою перед дверью не мальчик, но муж,
Вот гляжу, как во сне, вот молчу, как немой, —
Мир не тесен, я знаю. Но, сердце мое,
Лишь у этого дома мы дома с тобой.

Первый шаг за порог, как мне помнится он!
Я замолк, белизной этих гор поражен.

Мне казалось, над ними, как бубен, звучна,
Трепетала,
 гудела,
 качалась луна!

Мне запомнился скрежет обмерзших дверей,
Мама в облаке белом и звезды за ней,
И морозная пыль оседает у ног,
И белеет под дверью холодный порог.

А отец, он всегда появлялся в дверях
С тихой, грустной улыбкой в усталых глазах.
Пахло снегом и хвоей таежной от рук,
Будто горные кедры оттаяли вдруг...

Мой отец, он на фронт уходил в феврале.
Заровняла следы его выюга в селе,
Будто знала: дорога назад не нужна.
Будто знала: отца не отпустит война.

Только маме моей, сколько долгих ночей
Все казалось ей, кто-то стоит у дверей,
Сапоги обметает, вот-вот постучит.
Мама лампу засветит и в сени спешит...

Так, наверно, бывает во все времена:
Ждет сначала солдата солдатка-жена,
А потом ожидает подросших детей.

Так и помню я маму у этих дверей.
Так и помню глаза: ожидающий взгляд.
Было четверо в доме у мамы ребят
И у всех по дороге, у всех по судьбе.
Лишь о пятой забыла она — о себе.

2

Есть ли мягче постель, чем постелет вам мать?
Есть ли ужин вкусней, чем накормит она?

Будто в дальние годы, над дальней горой
Белым бубном на небе повисла луна.
И синеют вершины далеких хребтов,
Будто горы луна обвела серебром.
И забытая песня звенит в тишине,
То ли в доме каком, то ли в сердце моем.

Как мне ясно прошедшие видятся дни!
Будто вновь повторяю дорогу свою.
Будто сердце опять ожидает весну.
Будто первую тайну лелеет мою.

И становится грустно опять, как тогда,
И становится сладко и радостно так,
И опять у меня на коленках худых
Позабытую книжку листает сквозняк.

Вот прозрачная звездочка всходит вдали,
На свиданье зовя, на свиданье маня.
Вот телят своих гонит девчонка домой —
Не глядит, будто вовсе не знает меня!

С ней мы встретимся скоро, и рядом пойдут
Наши легкие тени, лишь выйдет луна.
Но уже разминуться дорогам пора,
И не встречей — прощанием встреча полна.

Наши давние песни, как звонки они,
Как два голоса наших сплетаются вдруг!
Только грустны глаза у подруги моей,
Только все беспокойней пожатие рук.

И однако, однако все так хорошо:
Нам еще по семнадцать и все впереди!

Эти школьные песни, как звонки они —
Золотой колокольчик трепещет в груди...

3

Двери, двери, вы так высоки и низки!
Двери, двери, вы так далеки и близки!
Пусть любовь без опаски шагнет на порог,
Но, как гром, за врагом ваш тяжелый хлопок,

...Не уснуть мне сегодня. С постели встаю.
За окном все от лунного света бело.
На ладони долины меж дремлющих гор,
Золотыми глазами мигает село.

Я курю, я смотрю на родные дома.
Вот он — тот, где любовь я оставил свою.
Ты скажи, ну, чего ты нашел, человек,
Столько троп обойдя в чужедальнем краю?

Юность, юность, ты ставишь вопрос напрямик...
Что ответу тебе я у этих всрот?
Я курю. Я молчу. Я иду на крыльцо,
Как идет обреченный на свой эшафот.

Каждый шаг как удар. Ну, и пусть будет так —
Я немало их видел, дорог и тревог.
Стал мой волос рыжеть, будто спелая рожь —
Это ветер степной по пути его сжег.

И глаза мои гоже давно не черны.
(Про меня ли сказали: как искры в ночи?)
Я их слышу, слова твои, сердце мое,
Пусть услышат их все — ты стучи, ты стучи!

...Двери, двери, вы были открыты любви.
Видно, плохо я жил. Видно, плохо любил.

Вот я сердце кладу на заветный порог,
Только где они нынче, следы твоих ног?

Столько лет миновало... Не тень ли твою
Я ищу, я зову по дорогам земли?
Только годы идут, только годы идут,
Только голос твой глуше и глуше вдали.

В этом городе шумном, где ныне твой дом
(Ты поверь мне, поверь, ты прости мне, прости!),
Я бывал. Только я постучаться не смог:
Было страшно чужую тебя мне найти...

Вот уж звезды погасли, зарделась заря.
«Здравствуй!» — солнце кричит, громоздясь на
утес

Будто облачко легкое с чистых небес,
Ветер думы мои потихоньку унес.

Лишь у домика старого старый аил
Почерневшей трубою устало поник,
Будто песни печальные давних времен
Все бормочет старик, вспоминает старик.

4

Дети в школу спешат. На ручонках часы —
Все глядят, будто вот их застанет звонок.
Где он, колокол наш, что гудел над селом,
Созывая нас утром на первый урок?

Этот колокол старый, как был он тосклив!
Всю войну по утрам он нам в окна гудел.
Нам поспать бы чуть-чуть, нам поесть бы чуть-чуть,
Только он торопил, он жалеть не умел.

О, как зелено карта цвела на стене!
Океаны синели, желтели пески —
Сколько было на свете садов и полей,
Только были как звезды они далеки!

К нашей старенькой школе я утром иду —
Что-то тянет меня постоять у ворот.
Но из окон знакомых глядит на меня
Мне совсем незнакомый глазастый народ.

Так же карты по крашеным стенам висят,
Так же зелены степи и рыжи пески,
Только весел звонок, только светел урок,
Только легче сегодня стоять у доски.

Сколько света сегодня на нашей земле!
Так глядите в сто глаз, так трудитесь в сто рук!
Не робейте — любая откроется дверь,
Постучите — и люди услышат ваш стук!

Мы — потомки воинственных древних племен,
Нас пожары войны обжигали не раз.
Нас немного на свете. Мы — малый народ.
Но для чести и славы достаточно нас!

Двери, двери, как трудно бывает подчас
До порога пройти и молчать возле вас,
И стоять, и не сметь прикоснуться рукой,
И не слышать ни звука за тонкой доской!

Даже люди, чьи плечи скалу подпрут,
Почему-то становятся низкими тут
И, оставив привычные важность и бас,
Семят, будто вдруг поскользнулись боясь...

Мой учитель, чья дума была так светла,
Мы на детские плечи подняли твой гроб.
Мой учитель, рубцом, не тропой между троп
Та дорога твоя на погост пролегла.

Мой учитель, как тесно вдруг стало кругом,
Будто старые стены осели в тот час!
Мой учитель, как стал он просторен, твой дом,
Где встречал ты улыбкой приветливой нас.

Мой учитель, мы сами закрыли твой гроб,
Мы насыпали холм, положили венок,
Мы, кепчонки сжимая, теснились вокруг,
Мелкий дождик в траве шелестел возле ног.

Где-то медные трубы вздыхали не в лад,
Кто-то плакал, глаза вытирая платком.

Мы простились с тобой под осенним дождем,
Но в сердцах ты остался весенним лучом.

Что поделать, мы все перед смертью равны!
Зашумят над землей голубые ветра,
Будут травы цвести над могилой твоей,
Будут парни подруг целовать до утра.

Что поделать, мы все перед жизнью равны.
И сплетаться рукам, и сливаться губам —
Нет на свете дверей, чтоб на слово любви
Не открыли запоры влюбленным сердцам!

Есть немало на свете хороших людей,
И становятся души светлей и теплей.
Так бывает, что друг оставляет тебя,
Но приходит другой — и шагать веселей.

И огромному миру навстречу опять
Двери настежь откроются в сердце твоём,
Будто ветер пройдет по струнам души,
Будто солнце коснется их светлым лучом...

* * *

Вот и кончились, видно, скитанья мои.
Вот опять я стою у знакомых дверей.
В этом доме качалась моя колыбель,
В этот дом я пришел и взрослей, и мудрей.

И склоняется грустно моя голова:

— Здравствуй, мать! — говорю.— Я пришел.

Я устал.

И опять молчаливо сажусь у окна,

Как малыш, что игрушки свои потерял.

ТИЙИН

Поэма

Стремнины полны облаками,
И холодом воздух пропитан,
И в пропасть срываются камни,
Задётые конским копытом.
Тут замерло время. Застыло.
Безмолвны ущелья, террасы...
Вдруг выйдет внизу из аила¹
Батыр Байбарак² седовласый,
Костлявые руки протянет:
— Где сын мой, ответьте мне, горы...
Зубцы каменеют в тумане,
И эхó протяжно, как горе.
Река Кадрийин все сильнее
Бушует в крутых берегах,
Вблизи переправы белеет,
Как снег, голова старика.
И гусь приплывает из тумана,
На крыльях посланье неся,

¹ А и л — летнее жилище конусообразной формы.

² Б а й б а р а к — герой алтайского национального эпоса.

Девчонка с ведром берестяным
Придет и поймает гуся.
На крыльях заветные строки
Тепло и мольбу принесли...
Дикие и угрюмые отроги.
И слезы в глазах. А вдали
Ревет Кадрийин стар и вечен,
Не вечен лишь тот, кто живой.
Аил Байбарака под вечер
Синеет за синей горой.
Теперь тут живет мой знакомый
Пастух и охотник Тийин.
Очаг полыхает. Он дома.
Он думает, курит один.
Давно в этом старом аиле
Живет он с женою Чечек.
Он помнит сказанья и были,
Он старый уже человек.
И пусть приближается осень —
Сто весен еще впереди...
Старик орден Ленина носит
У сердца на гордой груди.
Он знатный пастух. Он достоин.
Он крепок, как кедровый ствол.
Он в ратное время был воин
И целых полмира прошел.
О том пехотинце, о нем
Запомнилось немцам, японцам.

Не раз он крещен был огнем,
Но сердце батыра, как солнце,
Сияет и ночью, и днем.
Средь древних сказаний один
Курю я со старым Тийином.
Смеется река Кадрийин
И кружится в танце старинном.
На светлых волнах хоровод
Уже облака закружили,
И пиков вершины склонились
И стали видны в дымоход.
Их хочется трогать руками,
Но так неприступен их ряд...
Качая крутыми рогами,
Сегодня маралы трубят.
Туман на вершинах уселся,
Закрыв от восхода жильё...
Аил — он по форме как сердце,
Аил — это сердце мое.

* * *

Молчат успокоенно горы,
На выступах светится снег.
И скот успокоен в загоне.
И сел к очагу человек.
И пламя под варевом стонет,
И слышатся шутки и смех.

«Ну, нет тебе вечно покоя! —
Чечек разворчалась. — Один
Все прыгаешь. Имя такое —
Все правильно: Белка — Тийин.
Эй, Белка-Тийин, ты дровишек
Подкинул бы лучше в очаг». —
«Чечек мой, цветок мой, я слышу, —
Негромко старик отвечал. —
Когда говоришь ты нестрого,
Тогда уж я Белка — герой.
Когда ж ты сердита немного,
Я — Эрлик коварный и злой.
Что в шутке плсхого?

Не знаю...»

Негромко смеется старик.
Чечек снова чай наливает,
Смуцэнно и молча стоит.
Очаг этот светел, и даже
В аиле светла тишина.
И эта горячая чаша
Всегда перед гсстем полна.
«Хорошую б завтра погоду... —
Старик помолчал. — Коли так,
Тогда мы пойдём на охоту,
Посмотришь на зверя в горах.
Налей-ка, чаек твой хорш.
Болят что-то раны, старуха,
Неужто готовится дождь?»

Молчим. И для нашего слуха
Звучит тишина этих гор,
Как отзвуки песни старинной,
Задумчивой, грустной и длинной,
Как зов и безмолвный укор.
И только шумит Кадрийин
Раскатами стона и смеха,
И бродит бессонное эхо,
Блуждает меж гор и долин,
Как рог стооктавный звучит...
То песня Алып-Манаша¹.
Он вдаль уезжает. Спешит.
И горы застыли на страже.
И жаль мне кого-то. И вдруг,
Когда тишина словно дрема,
Я слышу: в ней есть странный звук,
Как будто певец незнакомый
Безмолвною песней своей
Тревожит могучие горы,
И если прислушаться к ней,
То слышится шепот и говор
Давно уж угаснувших дней,
Ушедших в былое людей.

¹ Алып-Манаш — герой алтайского национального эпоса, сын Байбарака, был предан другом, послал письмо из плена на крыльях гуся.

* * *

Тут много пришельцев бывало
С мечом. И в тот год шла война.
За склоном вблизи перевала
Жила там алтайка одна.
Красавица-девушка, та ли,
Что снится и грезится нам?..
Враги ее в жертву отдали
Своим ненасытным богам.
Схватили,— что может быть хуже? —
Костров полыхали огни...
И там же, в родном Яйлагуше¹,
Над шеей той девушки дружно
Мечами взмахнули они.
Долина есть Девичья Шея
С тех пор. Чужеземцы-враги
Спешили тогда все смелее
Вперед. Говорят старики,
Что шли чужеземцы к вершине,
Что гром прогремел, говорят,
Судьба свое дело свершила —
На войско пошел камнепад...
И все. И в живых никого.
Один только спасся оттуда,
Разрезав живого верблюда,

¹ Яйлагуш и Кадрийин — труднодоступные горы.

Он спрятался в теле его.
Молитва той девушки бедной
До самого бога дошла.
И он за жестокость и беды
Им смерть, чужестранцам, послал.
Еще существует преданье,
Мне кажется, правда в нем есть.
Врагов у вершины у дальней
Настигла народная месть.
Он войско привел, юный витязь,
За смерть, за народ, за сестру.
С врагами не первый раз видясь,
Он их окружил. Поутру
Умолкла жестокая сеча,
Лишь ветры стонали вдали,
Костры догорали, как свечи,
И гасли. Тут все полегли.

* * *

Старик предо мною. Я знаю:
Он крепок и мудр. И не прост.
Он будто бы слился с Алтаем,
Он часть этих гор, этих звезд.
Он здесь из легенды, как воин
Из царства батыров седых.
Он доброе сердце большое
Принес из столетий былых.

Под кедром любь:м, как в аиле,
Уютно ночует один.
По тропам, где козы ходили,
Спокойно пройдет мой Тийин.
Ледник недалеко. Он знает.
Там холод. Но ярк костер.
И чай в котелке закипает.
И трубка дымит до сих пор.
Он весел под ветром колючим,
Кинжал его звснок и чист.
А если идет он по кручам,
Отстанет любь:й альпинист.
Ружье-переломка стреляет
Без промаха. Наверняка.
И гулкое эхо гуляет
По самым краям ледника.
«Здесь плохо, в горах, городскому,
Перины, дивана здесь нет.—
Смеется Тийин.— Здесь не дома».
Смеется. Что скажешь в ответ?
«Уж очень вы нежными стали.
И что с вами будет теперь?
Какой ты, скажи мне, алтаец,
Коль холодно летом тебе?
Когда-то в далекие годы
По этим гропинкам у скал
С отцом я твоим на охоту
Ходил за крутой перевал.

Спать ляжем. И снег заметелит,
Накроет. А нам нипочем...»

Молчит. И кошму свою стелет,
Своим укрывает плащом.
К огню сам ложится. И снова
Пьет чай, повернувшись ко мне.
А горы черны и суровы
И еле заметны во мгле.
Сова гулко ухает где-то
И дико хохочет впотьмах.
Тийин недоволен — приметал —
Плохая примета в горах.

«Проклятый шайтан, что почувял?.. —
Плюется он, Белка-Тийин.—
Наверное, ходим впустую...»
Но щедр и богат Кадрийин.
Всегда здесь полны арчимаки¹,
Охотник с добычей всегда.
И крепок вкус нашей араки²,
Чиста и студена вода.
Наш край неприступный, где небо
В тумане легло на снега.
И тут наша древняя крепость,

¹ Арчимаки — охотничьи сумки.

² Арака — молочное вино.

Скрывавшая нас от врага.
Мы тут за свободу сражались,
Тут звезды горят, как глаза,
И в черные горы впитались
Погибших бойцов голсса.

* * *

От древних суровых преданий
Вдруг сердце заняло в ночи.
У скал, у замшелых и дальних,
Ударилась звонко мечи.
Клинок, а не молния сталью
Ночной небосвод разрубил.
И витязь на том перевале
В бессмертный свой рог затрубил.
И зов этот кровь мою будит,
Огонь зажигает в сердцах.
— Он жив, жив Алтай мой, о люди! —
Кричит мое сердце в горах...
И плечи как будто прижались
К плечам. Силу чувствую я.
С глазами глаза постречались.
Судьба моя, доля моя!
В глазах моих вспыхнул внезапно
Свет тысячи глаз, свет клинка...
Вдоль скал по ущелью на запад,
Качаясь, плызут облака.

Сверкнуло нежданное утро
Далёкой полоской огня,
И горы бессонно и мудро
Глядят на рождение дня.
Вперед за охотником старым
Иду, как навстречу судьбе.
Живут здесь маралы, архары
И ходят по этой тропе.
Прошел снежный барс перед нами
И яркий рассвет завершился,
И вспыхнуло желтое пламя
На снежных коронах вершин.
О хан мсй,

Алтай, словно разум,
Сверкаешь вверху, впереди,—
Алтай мой трехгранным алмазом
У Азии лег на груди.
А в узкой долине согрелся
Аил — сердце гор и жилье...
Аил — он по форме как сердце,
Аил — это сердце мое.

* * *

Курится дымок из вилы.
Уж вечер. В долине темно.
Старуха араку сварила —
Сварила хмельное вино.

Тийин только выпил хмельнсе
И стал без конца причитать:
«Архар стаял рядом со мною,
А я промахнулся спать.
Пошел я за рыбой, но быстро
Все рыбы ушли под волну.
Неужто в глазах моих искры
Потухли в былую весну?
Ружье-переломка, наверно,
Вдруг стало кривым. Кто поймет?..»
Сидит он. Качается мерно...
В колени ладонями бьет.
Чечек возражает устало:
«Ну что же ты? Гость у нас тут...
Опомнись! С ума сошел, старый,
Ведь люди тебя засмеют!..»
А может быть, шутит старик,
А может быть, сердится, или
Устал... Мне уютно в аиле,
Я гость. Я к жилищу привык.
Приятна мне гор тишина,
И ветра раскатистый говор,
И словно сквозь звезды и горы
Далекая песня слышна.
Среди неприступных стремнин,
Где в скалах столетья застыли,
Где край мой, крутой Кадрийин,
Там — добрые люди в аиле.

И песни летят в дымоход,
Как ветер. Им вторят утесы,
Ущелья, вершины, откосы...
Здесь все вместе с нами поет.
И горы проснулись от гула,
И снова ясна гслова.
Я слышу: река затянула
Пезучее, вечное: а-а-а...
И эхо уносит хоралы,
Уносит, чтоб вновь повторять.
Опять задевают маралы
Рогами за звезды. Опять
Качают нас песни, как кони,
Качают нас в седлах века.
Седеют вершины, и стонет
Седая в бурунах река.

«А ну-ка, давайте попляшем...» —
И в круг он выходит, старик.
Такого не видел я даже
И к танцам таким не привык.
То пляс это — быстрый, испанский,
То — «шейк», что не встретишь вовек,
Похож он на танец шаманский...
Совсем рассердилась Чечек.
«Ну, старый шайтан, ох уж быстро
Танцует, как старый колдун...
Танцуй! Может, будешь артистом!

Вот, тоже мне, горе-плясун.
Придумал чего бы получше,
Не вытряси только нутро.
Ой, Белка, ты крепко получишь,
Когда опрокинешь ведро».
Мелькают, сменяются краски,
И виснут, и глохнут слова,
От этой невиданной пляски
Кружится моя голова...

Коня она быстро седлает,
Чечек. Это едет она.
И песню свою напевает,
И песню свою напевает,
От песни ли этой певучей
Травой зашуршала земля,
Протяжно заохали кручи,
Вздохнули листвою тополя?

Вы, женщины, стойкими были
Во имя тяжелых побед,
На слабых плечах выносили
Всю тяжесть страданий и бед.
В раскатах военного гула
Вы были тверды и верны.
И жизнь ваши плечи согнула,
Не все вы остались стройны.
Но все вы душою высоки,

И каждое утро не зря,
Как роза, для вас на востоке
Всегда пламенеет заря.

* * *

Тийин еще спит и бормочет,
О чем-то вздыхает во сне.
Очаг позабыл об огне,
Черны головешки, как ночи.
На склонах маралы трубят,
Полны и любви, и печали.
От звуков, от зовов маральных
Гранитные горы звенят,
Как струны. И листья, кружа,
Желтеют над синей долиной.
На каменный брег Кадрийина
Иду я, рассветом дыша.
Туда, где вода всех светлей,
Туда, где буруны и мели,
Где быстрые всплески форели
Для удочки чуткой моей.
К тенистому лесу иду,
Туда, где есть домик забытый,
Давно, одиноко стоит он
У каменных гэр на виду.
Единственным тусклым окном
Глядит он на мир отрешенно,

И дверь покосилась в нем,
И все позабыто и сонно
В покинутом доме былом.

Я дверь отворю. И слышу
Я скрип. Я вхожу в мир иной...
И зев русской печки я вижу,
Чернеющий передо мной.
Так где он, хозяин тот давний,
В каких же краях он теперь?
С кровати резной, деревянной
Не встанет он выправить дверь.
Не выйдет он утречком ранним
В притихшие горы с ружьем...
А может, из старых сказаний
Пришел этот сумрачный дом?
Сейчас на метле своей гулкой
Примчится вдруг Баба-Яга,
Нашепчет — и там, над чугуном,
Покажутся черта рога.
А может, поможет советом
И скажет, что спрятана где-то
Та смерть, что под страшным запретом,—
Бессмертного злого врага.
Но в печке не вспыхнуло пламя,
В трубу не влетела метла.
И ведьма из давних сказаний,
Из давних времен не пришла.

Как будто России кусочек
Остался тут, в доме пустом.
Жил русский. Давно было очень.
Уехал в Россию потом...
И стала избенка пустая.
И путнику в ней хорошо.
Тут зимнюю ночь коротает
Охотник, что в горы ушел.
Сухие дрова в этом доме
И соль, что порой так нужна,
И спички. Оставь незнакомым.
Сурова тайга. Жизнь одна.

Когда-то ходил в эти горы
Отец с переломкой-ружьём.
Когда-то и он в непогоду
Захаживал в старенький дом.
А может быть, признак оставил?
Исписана, вижу, стена...
И я с удивленьем читаю
Далеких людей имена.

Мне слышится шепот далекий,
Как будто стена говорит.
Я вижу стихов чьих-то строки
И дата под ними стоит.
«Январь...» И дописано ниже
Отчетливо: «Сороковой».

Здесь песнь о любимой. Я слышу.
Мне чудится голос живой.
Где он в этом мире подлунном?
Быть может, погиб на войне...
И знал ли влюбленный и юный,
Что кто-то прочтет на стене
Стихи его здесь через годы.
Да... Каждый в былое уйдет.
И лишь продолжение рода,
Лишь это к бессмертью ведет.
Слова выступают весомо.
Сквозь горы, гда и леса,
В затишье забытого дома
Я слышу людей голоса.
Заметны едва буквы эти! —
Тут подпись отца...
В свете дня
Вдруг грань между жизнью и смертью
Исчезла на миг для меня.
И стали близки эти строки,
И старенький дом стал родным,
И голос отца издалека
Стал четким, доступным, живым.
Как будто заранее знал он,
Что я в этот домик приду...
Метель его след заметала,
В том давнем, последнем году.
Его вечерами мы ждали,

Прислушиваясь к тишине.
И белые горы молчали,
И мгла все сгущалась в окне.
А он приходил в этот домик,
Устав после трудного дня.
Был путь его снежен и долог,
Садился он тут у огня.
И нас, малышей, вспоминал он.
Кружился над крышею снег.
Беззвездная ночь завывала.
А в домике слышался смех,
Тут были друзья, были шутки,
Поленья трещали в огне.
Молчал он. И в эти минуты
Грустил. И писал на стене.
Прошло. Как давно это было!
И нет в этой печке огня.
Не видел отца я могилу,
Но вечно он жив для меня.
Бессильны и ветры, и годы,
И тополь, что снова зацвел...
Шагнула в бессмертие рота,
Отец вместе с нею ушел.

Послышался шум за оконцем.
Иду. Пробудили меня...
Стою, оглушен ярким солнцем,
Сверканием теплого дня.

Своих торбоков¹ погоняя,
Чечек проезжает. Иду.
За нею я следом шагаю,
Я полон печали и дум.
А там, где и ветви заснули,
Где кедр над аилом высок,
Тийин спит лицом на восток,
И пес его там караулит,
Сидит, словно черный пенек.

* * *

По козым извилистым тропам
Он едет, старик, на коне,
То шагом, то скачет галопом
По горной и древней стране.
В лицо ему хлещут метели,
Седые морозы трещат,
Поземка постель ему стелет,
Призыв ему ветры трубят.
Среди этих гор и долин
Так много погибло героев,
Так много костей под горою,
Что весь поседел Кадрийин.
Тут пала священная кровь
Лихих краснозвездных батыров,

¹Торбоки — годовалые телки.

И жизнь, цепи рабства отринув,
С тех пор тут воспрянула вновь.
В краю, где пылает закат
В тиши Кадрийинских ущелий,
Седые высокие ели
На синих курганах молчат.
И есть черепа близ долины.
Я видел их. Навзничь и ниц
Лежат они. Гроздья малины
Пылают огнем из глазниц.
И что это — ягсды? Кровь?
Я долго смотрел изумленно,
Они были словно знамена
Над памятью павших бойцов.

Но нынче иные года,
И жизнь нынче тоже иная.
И даже старик этот знает
Про мир, про моря, города...
«Могучая наша страна,
Нас только задень — будет скверно.
Стреляем мы быстро и верно...»
И сразу смеется жена:
«Хвастун! Ну какой ты стрелок?
Вчера лишь лил слезы рекою,
Ружье, говорил, что кривое.
Ой, горе мое, муженек!»
Обиделся Белка-Тийин:

«Молчала бы лучше всегда ты,
Ведь я говорю о солдатах,
Могучих, как наш Кадрийин.
О наших отличных стрелках,
Что служат, страну охраняя,
И техника наша большая
В надежных и верных руках.
Да разве поймешь ты?..»
Дымком
Струится очаг предо мною.
Горячий казан¹ с молоком
Мне светится желтой луною.
Со старых задымленных стен
Глядят, улыбаясь, актрисы,
Накрашенные их ресницы
Вдруг мне подмигнули и всем...
И плечи их голые стали
От черного дыма черны,
Как будто они загорали
В песках африканской страны.
Принцесса восточная гордо
Танцует, кружит пируэт.
Солдаты стоят в гимнастерках
У длинных крылатых ракет,
Москза и звезда из рубина,
Летающие вдаль облака...

¹ К а з а н — котел.

Откуда все эти картины?
Наверное, из «Огонька»...
Красивые люди и страны
В аил, где живет мой Тийин,
Собрались, пройдя океаны.
Велик этот мир, но един...

* * *

Прощайте вы, тропы маральи,
Где ветры сильны и свирепы,
Прощай ты, мой край синескальный,
Гранитная древняя крепость.
Аил, сердце гор, до свиданья,
Родные и добрые люди,
В пути моем трудном и дальнем
Без вас очень грустно мне будет.
Прощайте, ущелья,— веками
Народ тут на стойкость испытан,
Тут в пропасть срываются камни,
Задетые конским копытом.
Река тут играет мне скерцо,
Понятен мне голос ее:
Аил — он по форме как сердце,
Аил — это сердце мое.

«Когда я говорю: «О мой Алтай!..» Перевел А. Смольников	7
«О светлая Муза...» Перевел А. Смольников	9
Я — алтаец. Перевел А. Смольников	10
«Я опять приезжаю в родные места...» Пере- вел А. Смольников	12
Осень в горах. Перевел А. Смольников	14
«Голубая тишина...» Перевел А. Смольников	16
Сон. Перевел А. Смольников	17
«Мы с тобой пробирались...» Перевел А. Смольников	21
«Завернусь я однажды...!» Перевел А. Смоль- ников	23
Алтайские богатыри. Перевел А. Смольников	26
«С первым солнца лучом...» Перевел А. Смольников	28
По дорогам отцов. Перевел А. Смольников	31
Маленький художник. Перевел А. Смольников	35
Конь. Перевел А. Смольников	37
Колдовское дерево. Перевел И. Фоняков	39
Думы. Перевел А. Смольников	41
Я — майя. Перевел А. Смольников	43
Осенняя элегия. Перевел А. Смольников	46

«Так что же дано мне сказать...» Перевел А. Смольников	47
Бессмертие. Перевел А. Смольников	49
Средиземное море. Перевел А. Смольников	51
Будь свободна, Греция! Перевел А. Смоль- ников	53
Байаннор. Перевел А. Смольников	55
«Вот я белой бумаги достал из стола...» Перевел А. Смольников	58
Мраморные горы. Перевел А. Смольников	60
«Как приеду я снова домой...» Перевел А. Смольников	62
Той. Перевел А. Смольников	64
Нэлли. Перевел А. Смольников	66
Кайчи. Перевел А. Смольников	69
Змеиная речка. Перевел А. Смольников	71
Вечер. Перевел А. Смольников	73
Баллады	75
Бороуул. Перевел А. Смольников	77
Бронзовое зеркало. Перевел А. Смольников	82
«Базырыкских курганов невнятная речь...» Перевел А. Смольников	87
П о э м ы	91
Двери. Перевел А. Смольников	93
Тийин. Перевел В. Потиевский	103

Аржан Адаров
КОЛДОВСКОЕ ДЕРЕВО

Редактор Н. Рыжиков. Худож. редактор Н. Юсфина,
Техн. редактор Т. Никитина. Корректор Е. Раев-
ская. Сд. в наб. 4/XI-71 г. Подп. к печ. 5/V-71 г.
Ф. б. 60×90^{1/2}. Физ. п. л. 4,0. Уч.-изд. л. 3,74,
Изд. инд. ЛХП-225. А06591. Тир. 5600 экз.
Цена 41 коп. Бум. № 1. Издательство «Советская
Россия». Москва, проезд Сапунова, дом 13/15.
Орел, ул. Ленина, 1. Типография «Труд».

Заказ № 8020. ж

СОВЕТСКАЯ
РОССИЯ

41 коп.